

«МЫ ОКАЗАЛИСЬ НЕПОДГОТОВЛЕННЫМИ К СВОБОДЕ...»

Обычно наши беседы с Евгением ЕВТУШЕНКО состояли из монологов Поэта с влезанием в паузы Корреспондента со своими вопросами. Поскольку иногда беседы происходили во время обеда, паузы выпадали на какую-нибудь суповую косточку. Костей в наших супах (как и в жизни) было мало. Пауз тоже. Но успевалось задать вопрос, а то и просто выболтаться. На этот раз никаких косточек не было (как, впрочем, и в жизни). Да и просто хотелось послушать Поэта. Поэтому я задал дежурный вопрос: «Что бы вы пожелали с о и м читателям в день с о е г о шестидесятилетия?», включил диктофон и слушал... Вопросы, конечно же, по ходу разговора возникали, но я «смирал себя, становясь на горло собственной песне...» Честно говоря, не жалею, что не стал их задавать: во-первых, к Евтушенко всегда есть вопросы — и в компетентных органах, и у читателей, и у журналистов... Во-вторых, если есть вопросы — стало быть, есть повод еще раз встретиться и поговорить. Куда уж лучше!

Александр ШУПЛОВ.

К сожалению, сейчас в нашей жизни происходит какое-то чередование разнообразных стыдоб. Когда-то в своей поэме «Под кожей статуи Свободы» я писал:

*Сколько раз обличали вселенский
содом
благородные возмущения,
а кончалось каким-нибудь новым
стыдом
в виде горького возмещения.*

То, что происходило в годы застоя, было страшным стыдом. Мы невольно опускали глаза, глядя в телевизор... Потом вдруг появился человек, за которого нам стыдно не было: Горбачев. Мы возлагали большие надежды и на него, и на перестройку. Особенно наше поколение, потому что Горбачев принадлежал к нему. Но вот происходят события в Тбилиси, Вильнюсе, Кремль окружают войсками... Горбачева спросили, знал ли он о том, что происходит в Вильнюсе. Он ответил, что не знает. Если это правда и он не знал — стыдно. Если знал и скрыл — стыдно. Затем наступила эйфория — в те три дня августа, когда мы победили. Многие из нас давно не были так счастливы, как после этой победы над прошлым, которое попыталось возвратиться в нашу жизнь, въехав на танке. К сожалению, наша надежда, наше ожидание опять превратились в стыд: стыдно жить в такой богатой стране — и быть такими нищими. Стыдно, что мы оказались не-

за которых нам не будет в будущем стыдно — за наших детей и детей наших детей. Чудовищный самогонцид за многие годы истребил наш народ. Стыд просто раздирает душу. И все-таки, несмотря на этот стыд, думаю, это было какой-то исторической закономерностью. Сейчас мы проходим очень важное испытание. Нам, может быть, кажется, что мы сейчас проходим испытание на физическое выживание. На самом деле, это большее. В смысле материальном, мы, конечно, выкрутимся. Уверен в этом. В конце концов, инстинкт самосохранения нас спасет. Но есть и другой тест, который мы сейчас все вместе проходим, — это тест на духовное выживание. Он очень существен. И мне кажется, сейчас у многих из нас возникает не ностальгия по прошлому (большинство людей, думаю, не хотело бы возвратиться в прошлое, которое было тюрьмой, несколько более уютной, чем продуваемая сквозняками наша Свобода). Нет, не ностальгия по обманчивому прошлому уюту. И не ностальгия по будущему. Сейчас возникает та ностальгия, о которой писал Андрей Вознесенский: ностальгия по настоящему. Мы ощущаем вакуум собственных надежд. Это чувствуется очень сильно. Можно понять, почему у людей появилась политическая апатия: многие надежды не оправдались. Августовская эйфория развеялась. Многие люди

напоминать ему об этом. Самым лучшим напоминанием будет не сильное тыканье его носом в книжки, а просто создание этих книг. Писатели должны сейчас заниматься не внутренними драмами и борьбой, а производством таких романов, таких стихов, которые снова соединят литературу с народом. Вот вам и мой ответ на ваш вопрос: «Что я желаю своим читателям в свой день рождения?» — Чтобы им, моим читателям, не было стыдно за нас!

На этом разговор наш, вроде бы, закончился. И вдруг подумалось, что выросло уже два, а то и три поколения, которые могут не знать, чем была поэзия Евтушенко для их отцов, матерей, дедов... Рука потянулась к старым сборникам и отыскала стихи, которые навечно застолбили себе укромные уголки нашей памяти. Стихам этим уже — по три десятка лет. Живут!

Евгений ЕВТУШЕНКО

ЗАВИСТЬ

*Завидую я. Этого секрета
не раскрывал я раньше никому.
Я знаю, что живет мальчишка
где-то,*

*и очень я завидую ему.
Завидую тому, как он дерется, —
я не был так бесхитростен
и смел.
Завидую тому, как он смеется, —*

*я так смеяться в детстве
не умел.
Он вечно ходит в садинах
и шишках —
я был всегда причесанней, целей.
Все те места, что пропустил я в
книжках,
он не пропустит. Он и тут
сильней.*

*Он будет честен жесткой
прямотою,
злу не прощая за его добро,
и там, где я перо бросал:
«Не стойт...» —
он скажет: «Стоит!» — и возьмет
перо.*

*Он если не развяжет, так разрубит,
где я не развяжу, не разрублю,
он, если уж полюбит, не разлюбит,
а я и полюблю, да разлюблю.
Я скрою зависть, стану
улыбаться.*

*Я притворюсь, как будто я
простак:
«Кому-то же ведь надо ошибаться,
кому-то же ведь надо жить
не так...»*

*Но сколько б ни внушал себе я это,
твердя: «Судьба у каждого своя...»,
Мне не забыть, что есть мальчишка
где-то,
и он добьется большего, чем я.*

*Как-то стыдно изящной
словесности,
отрешенности на челе.
Как-то стыдно натужной
известности,
если люди живут на земле.*

*Как-то хочется слова несправедного,
чтобы давалось оно неслезно.
Все к Некрасову тянет, к
Некрасову,
ну, а он — глубоко-глубоко...*

*Как-то стыдно сплешной
заслезненности,
сострадательства с нимбом борца.
Как-то стыдно одной
засмеленности,
если все-таки есть небеса.*

*Как-то хочется слова нескушного,
чтоб лилось оно звонко, легко,
и все к Пушкину тянет, все
к Пушкину,
ну а он — высоко-высоко...*

Фото В.ЛАРИНА.

подготовленными к свободе, которая превратилась в свободу безответственности и в свободу корыстолюбия, свободу хапежа. Стыдно, что мы оказались недостаточно культурными... Когда я говорю «мы», я имею в виду и так называемую оппозицию, и правительственные круги. Видимо, у нас оказалось недостаточно культуры для того, чтобы решать вопросы, которые поставила перед нами эта обвалившаяся на нас свобода. Причем не оказалось ни политической культуры, ни нравственной.

Стыдно видеть плоды нашей многолетней борьбы с цензурой... Боролсь, боролись — и вдруг, когда разрушили бетонную дамбу цензуры, сквозь нее хлынул мусорный поток порнографии и полицейщины...

Стыдно смотреть, как молодые люди стоят и зарабатывают деньги, продавая бананы, какие-нибудь пластиковые банки... И никакого производства!

Стыдно, что в суете самосжигания, в суете самовывживания мы никак не можем почувствовать себя нацией. Вместо того чтобы собирать сейчас Россию по доскутам воедино (я говорю не только о географическом собирании, но и, конечно, о духовном!), из-за личных или местных амбиций пытаются разобрать страну по доскутам...

Короче говоря, я хотел бы, чтобы нам не было стыдно... Говорю за себя, за народ, страну. Я хотел бы, чтобы мы сумели вырастить людей,

явно не пропши теста власти. И все-таки, считаю, в нашем обществе уже появляется еще, может быть, недостаточно конструктивная, недостаточно созидательная ностальгия по настоящему. Она уже существует и она, по моему, должна конкретизироваться, соединяясь с инстинктом самосохранения и сплочения.

Наше правительство очень часто делает акцент в своей деятельности на материальной стороне, отставляя духовное начало на второй план. Наверное, наши материальные неурехи объясняются как раз недостаточным обращением внимания на духовность.

Есть великое русское слово: «Перебьемся!». Уверен, что мы, в конце концов, перебьемся. Опасно, что пока мы будем перебиваться, может быть потеряно поколение молодых людей (не дай-то Бог два!), если мы не дадим им веру. Жить ради того, чтобы завтра жить получше, — этого тоже мало! Оттого у нас и не наступает улучшения жизни. Когда человек улучшает жизнь, за этим всегда стоит надежда на что-то большее, чем простое материальное улучшение.

Сейчас, когда, казалось бы, роль литературы, и поэзии в частности, отходит на второй план, на самом деле она вырастает во всей своей необходимости для нашего народа. Народ должен к этому прийти своим умом. Но и мы должны не устывать